

Шрам преодолевал последний отрезок пути до входа в Прайд-Рок, и его раненая лапа болела с каждым шагом все сильнее. На вечернем небе уже показались первые звезды, так как дневные дела заняли больше времени, чем ожидалось, - ненасытная Зира набрасывалась на него не один раз.

Наконец он вошел в королевское логово, где все остальные львицы устраивались на ночлег. Его брат спал прямо посреди них, на своем каменном помосте, и, чтобы не казаться чужаком, ему, наверное, следовало бы продолжить эту традицию, но Шрам никогда не мог заснуть, если не был один.

Он не понимал, как Муфаса мог терпеть, когда его постоянно окружали и следили за ним; не говоря уже о том, как ему удавалось уживаться с женой.

Сейчас жена поднималась ему навстречу, но в ее приветствии не было ни капли тепла.

"Шрам".

"Теперь король Шрам или сир, если только у тебя нет каких-то поистине чудесных новостей, касающихся моего брата".

Сараби невозможно было понять, в этом-то и заключалась проблема. То ли ее невозмутимый вид свидетельствовал о неповиновении, то ли она просто принимала позу, подобающую скорбящей вдове?

"Муфаса тоже был королем", - сказала она с полужакрытыми глазами. Все остальные львицы теперь смотрели на него, и отнюдь не дружелюбно. "Но я никогда не называла его сиром".

Он сдержал резкое замечание по поводу того, что она может называть его как угодно, если будет оказывать ему те же услуги, что и Муфасе.

"Полагаю, я мог бы сделать исключение из королевских традиций ради королевы моего брата", - сказал он вместо этого.

На секунду выражение ее лица стало совершенно неподвижным, но затем она слегка кивнула.

Жест, призванный продемонстрировать власть надо мной?

"Засуха становится все хуже", - сказала она в конце концов. "По всем Прайдлендам растительность вянет и гибнет. Шрам, среди стад ходят разговоры о том, чтобы двигаться дальше".

"Я работаю над этим", - прорычал он в ответ.

Она должна была знать, что он ничего не может с этим поделать, а это означало, что она пытается подорвать его авторитет - бросает ему вызов на глазах у остальных. Львицы сгруппировались вместе, непроницаемые, как строй слонов.

Раздосадованный, он повернулся и зашагал к выходу - приход сюда явно был ошибкой.

"Шрам... он звал тебя. Он сказал, что все еще не может уснуть".

Шрам сделал паузу.

"Почему бы тебе не позаботиться об этом? Ты же его мать".

"Он просил тебя, Шрам".

Он заколебался, оглядываясь на круг львиц. Медленно их строй расступился, открывая взору детеныша, одиноко лежащего на каменном помосте в центре. Он прошел по центру, не обращая внимания на их взгляды. Они отступили по крайней мере на почтительное расстояние, когда он приблизился к кронпринцу.

"Тебе все еще снятся кошмары, да?"

Мальчик беззвучно кивнул, и Шрам почувствовал еще один удар в грудь.

На мгновение ему показалось, что это призрак самого Муфасы вонзил в него когти, и он не мог не задаться вопросом, проклянет ли его брат еще сильнее за то, что он имел наглость вести себя с Симбой как родитель, или за то, что не смог этого сделать.

Мальчик поднял на него немигающие карие глаза, в которых виднелись следы недостаточного сна.

"Не расскажешь мне сказку, дядя Шрам?"

Он сел рядом с мальчиком.

Шрам был не силен в таких делах, но кошмары, по крайней мере, понимал.

"Если хочешь, я могу рассказать тебе о старой Львиной гвардии", - он и сам всегда любил слушать эти истории, когда был маленьким. "Я могу рассказать тебе о великих битвах, которые происходили в эпоху Ахади, или о том, как мы спасли твоего деда по материнской линии с дерева. Над этим всегда можно посмеяться".

Симба сел, и усталость исчезла из его глаз.

"Я хочу услышать о тебе, дядя Шрам. Правда ли, что тетя Зира говорила, будто ты можешь призывать с неба молнии и купать врагов в огне?"

"Она говорила тебе об этом?", - он нахмурился, пытаясь решить, что он думает по этому поводу. "Послушай, Симба. Я не думаю, что Зира сейчас хорошо на тебя влияет".

"Почему? Она ведь твоя подруга, не так ли?"

"Да", - сказал он с трудом. "Но то, что кто-то является другом, не делает его хорошим, а если кто-то не является хорошим, это не значит, что он не может быть твоим другом. Некоторым легко нравиться всем, а другие... иногда просто рождаются с большим количеством гнева и разочарования, но это не значит, что они не заслуживают любви".

Симба наклонил голову.

"Дядя Шрам, ты говоришь о себе?"

"Нет, я говорю о твоей матери. Она ужасный человек, но мы все равно ее любим".

Симба хихикнул.

"Это правда! Иногда она бывает очень злой, например, заставляет меня ложиться спать, хотя я не могу заснуть".

"У меня тоже иногда такое бывало", - сказал Шрам с укором. "Знаешь, что я всегда делал? Я просто убегал ночью и занимал себя чем-нибудь другим, например, изучал древние фрески в пещерах внизу - в конце концов я все равно падал без сознания, но, по крайней мере, за это время я успевал сделать что-то полезное".

"Дядя Шрам, ты такой странный!", - мальчик снова засмеялся. "Разве мама и папа не сердились на тебя за такие вещи?"

"О да", - угрюмо ответил он. "Но они всегда злились на меня, особенно Ахади. Иногда мне кажется, что он решил ненавидеть меня с самого рождения", - он сжал лапу, и его собственные когти впились в кожу, отчего рана снова вспыхнула. "Он назвал меня Така, что на древнем языке означает "Пустошь". Кто так делает? Что за родитель называет одного сына королем, а другого - отбросом?"

"Наверное, он этого не знал", - сказал Симба. "Думаю, они просто решили, что это звучит круто".

"Они должны были проверить! Но нет, быть королем - это значит заставить людей уважать тебя за то, что ты сильный и могущественный, а не за то, чтобы выучить значение некоторых слов на старом пыльном языке, на котором никто больше не говорит", - он размял больную лапу, пытаясь втянуть когти и терпя неудачу. "Именно так я потерял свои силы. Я обратил их против брата во время боя, и после этого духи больше никогда не отвечали мне. Ему было позволено использовать свою силу против меня, а мне - нет".

Уши Симбы опустились.

"Наверное, ты действительно ненавидел его?"

"Нет! То есть я думал, что ненавидел, но...", - он беспомощно жестикулировал, пытаясь объяснить то, чего не понимал сам. "Может быть, я не мог не ненавидеть его немного, хотя в основном это была не его вина, но это не значит, что он заслуживал смерти. Никто - никто не заслуживает этого".

"Мне жаль", - прошептал Симба.

"Не говори так", - прорычал Шрам. "Никогда не говори мне этого. Тебе не за что извиняться, ты понял?"

Зачем я это делаю? Почему я разговариваю с тем, кто причиняет мне такую боль?